

Ю. А. Артамонов

**Алтарные граффити собора Успения (Рождества) Богородицы на
Городке в Звенигороде: к вопросу о сооружении храмов-памятников в
средневековой Руси**

В 2011 г. в серии «Исторические исследования» московского издательства «Квадрига» вышла монография А. О. Амелькина и Ю. В. Селезнева «Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков»¹. Как следует из аннотации, свою основную задачу авторы видели в том, чтобы изучить «восприятия событий Куликовской битвы в общественном сознании России на протяжении XV–XX столетий»². Однако материал, представленный в книге, далеко выходит за пределы обозначенного предмета исследования, он существенно шире: работа содержит обстоятельный анализ геополитической ситуации накануне Куликовской битвы, взаимоотношений Руси и Орды в 70-х гг. XIV в., сил и стратегии противников и, наконец, событий самого сражения, его итогов и значения. Справедливость значительной части наблюдений, сделанных в данной части исследования, сомнений не вызывает, в том числе и общая оценка битвы на Дону как одного из «переломных моментов в истории» нашей страны, которое утвердило Московское великое княжение в качестве «лидера объединительной политики на Руси»³.

Между тем нельзя согласиться с некоторыми выводами авторов в части изучения восприятия Куликовской битвы ее современниками и ближайшими потомками. Так, например, недоумение вызывает суждение о том, что для населения Руси периода княжения Дмитрия Донского (1359–1389 гг.) и его сына Василия I (1389–1425 гг.) побоище на Дону стало заурядным событием («рядовым сражением»), осознание важности которого пришло только спустя десятилетия⁴. Уже в «Задонщине» – поэтическом произведении, созданном

© Артамонов Ю. А., 2014

Автор искреннее благодарит за радушный прием и помощь в работе настоятеля Успенского собора на Городке – подворья Саввино-Сторожевского монастыря – архимандрита Иеронима (Карпова) и казначея подворья Д. А. Седова.

¹ Амелькин А. О., Селезнев Ю. В. Куликовская битва в свидетельствах современников и памяти потомков. М., 2011.

² Несколько странно, что из указанного хронологического диапазона выпали последние два десятилетия XIV в., когда создавались поэтическая «Задонщина» и летописные рассказы о Куликовской битве, когда, наконец, еще жили те самые «современники», о которых авторы упоминают в заглавии работы.

³ Амелькин А. О., Селезнев Ю. В. Указ. соч. С. 260, 378.

⁴ «Спустя десятилетия разгром Мамаю у Дона стал оцениваться не как рядовое сражение, а как некий поворотный пункт в истории Руси» (Там же. С. 58).

вскоре после Куликовской битвы⁵, – отмечается, что слава о победе Руси над Ордой гремит по всей земле, она летит к Риму и Кафе, Тырнову и Царьграду: «Шибла слава к Железнымъ вратом, к Риму и к Кафы по морю, и к Торнаву, и оттоле к Царюграду, на похвалу: Русь великая одолеша Мамаю на поле Куликове»⁶. В рассказе о битве, который читается в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи⁷, торжество русского оружия на Дону названо «победой великой»⁸. По мнению А. О. Амелькина и Ю. В. Селезнева, Куликовская битва рассматривалась современниками «как исключительно московское, а возможно, как великокняжеское Дмитрия Ивановича “дело”»⁹. Но в той же «Задонщине» отчетливо звучит идея объединения исторической Руси перед лицом внешнего врага: «На Москве кони рьжут, звенит слава руская по всеи земли Рускои, трубы трубят на Коломне, в бубны бьют в Серпохове, стоят стязи у Дону у великого на брезе, звонят колоколы вечныя в Великом Новгороде»¹⁰. Летописные тексты определенно дают понять, что нашествие Мамаю угрожало «всей земле Русской», поэтому Дмитрий Иванович представлен в них не только защитником «своей отчины», но и поборником православия, заступником исторической Руси¹¹.

Авторы указывают на существование традиции строительства церквей в честь «победы русского оружия над иноверцами», начало которой относят ко времени киевского князя Владимира Святославича (980–1015 гг.). В качестве примера они ссылаются на факт «массового сооружения храмов-памятников... после взятия Казани в 1552 г.»¹². Однако возведение таких церквей после Куликовской битвы, которая пришлась на праздник Рождества Богородицы (8 сентября), авторы не прослеживают. Ссылаясь на мнение С. Н. Азбелева, они допускают возможность отнести к ним только церковь св. Димитрия Солунского, построенную в Великом Новгороде в 1381–1382 гг.¹³

⁵ Авторы признают раннюю датировку «Задонщины»: «В тот же период общественного подъема 1380–1382 гг., вызванного победой на Дону, была создана “Задонщина”... По ряду косвенных признаков она датируется 1380-ми гг.» (Там же. С. 270).

⁶ Памятники Куликовского цикла / Под ред. Б. А. Рыбакова, В. А. Кучкина. СПб., 1998. С. 128–129.

⁷ Как отмечает В. А. Кучкин, статьи 1380 г. Рогожского летописца и Симеоновской летописи являются старшими «из сохранившихся летописных повествований о Донском побоище», которые восходят к своду 1409 г. (Там же. С. 15).

⁸ Там же. С. 10.

⁹ Амелькин А. О., Селезнев Ю. В. Указ. соч. С. 267–269.

¹⁰ Памятники Куликовского цикла. С. 127.

¹¹ «Се же слышавъ князь великийи Дмитрией Ивановичь, собравъ воя многы, поиде противу их (татар. – Ю. А.), хотя боронити своя отчины и за святыя церкви, и за правоверную веру христианьскую и за вся Руськую землю» (Там же. С. 9).

¹² Амелькин А. О., Селезнев Ю. В. Указ. соч. С. 266.

¹³ Правда ниже такая возможность, по всей видимости, исключается, о чем можно судить по следующим словам: «Прямым вещественным памятником победы русских войск над Мамаем следует считать лишь каменный крест из Софийского собора в Великом

Вместе тем еще в 1-й половине XIX в. известный этнограф и археолог И. М. Снегирев, комментируя сообщение летописи под 6901(1393) г. о строительстве на средства вдовы Дмитрия Донского княгини Евдокии каменной церкви в честь Рождества Богородицы, писал: «Благочестивая супруга... без сомнения, желала увековечить знаменитый день Куликовской битвы сооружением храма в честь сего праздника на своем дворе»¹⁴. К сожалению, это наблюдение авторитетного знатока московских древностей было оставлено без внимания.

В январе 2011 г. мною проводились работы по выявлению и фиксации средневековых граффити в соборе Успения на Городке в Звенигороде. На сегодняшний день этот храм является древнейшим из полностью сохранившихся памятников раннемосковской архитектуры. Известно, что возведение собора осуществлялось по инициативе и на средства князя звенигородского и галицкого Юрия (1389–1434 гг.) – сына Дмитрия Донского. Но в дошедших до нас письменных источниках ни один из этапов его строительства не зафиксирован. Поэтому время сооружения храма обычно относят к концу XIV – началу XV в.¹⁵ По мнению Б. А. Огнева, известного исследователя московской архитектуры того времени, его возведение осуществлялось силами московской великокняжеской строительной артели¹⁶.

В результате осмотра доступных поверхностей собора мною было обнаружено более десятка средневековых граффити. В их числе оказались 3 надписи на южной плоскости юго-восточного пилона, расположенного в алтарной части храма. Как впоследствии выяснилось, две из них уже обратили на себя внимание известного археолога и историка Б. А. Рыбакова, руководившего раскопками на Городке в 1943–1945 гг. В своей отчетной статье «Раскопки в Звенигороде (1943–1945 гг.)» он пишет: «Во время осмотра собора мне удалось в 1943 г. обнаружить на южной стороне юго-

Новгороде, созданный в 1380-х гг. по повелению архиепископа Алексея» (Там же. С. 267–268).

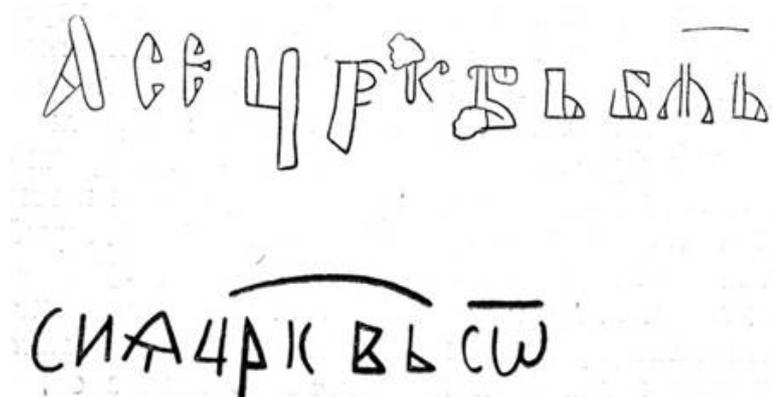
¹⁴ *Снегирев И. М.* Памятники Московской древности с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы и древних видов и планов древней столицы. М., 1842–1845. С. 221.

¹⁵ Попытку уточнить время рождения храма предпринял Н. Н. Воронин: «Точной даты Успенского собора “на Городке” в Звенигороде источники не сообщают. Однако она весьма убедительно определяется рубежом XIV–XV вв., когда, после похода на Волгу, организованного Василием I в 1399 г., в руках Юрия оказались крупные средства: “Шедше взяша град Болгары, и Жукотинь, и Казань, и Кременчюх, и иных много градов, и пребыша тамо три месяца, воюющее и пленяще землю их, и возвратишася со многим богатством въ своаси”. Таким образом, датой памятника является 1400 г.» (*Воронин Н. Н.* Зодчество Северо–Восточной Руси XII–XV веков. Т. 2. М., 1962. С. 291).

¹⁶ *Огнев Б. А.* Некоторые проблемы раннемосковского зодчества // Архитектурное наследство. Вып. 12. М., 1960. С. 51.

восточного пилона надписи-граффити на белом камне, с которого ранее была сбита штукатурка с фресками XV в. Очевидно, надписи были сделаны в короткий промежуток времени между постройкой здания и росписью его. Встречены надписи: “сия цркъвь со...”; есть плетеный орнамент. Особенно интересна надпись двойным контуром крупными буквами, какими в рукописях пишут заглавия разделов книги: “а се цркъвь Бжь”. По эпиграфическим признакам М. В. Щепкина склонна относить эту надпись к концу XIV в. Эта дата очень важна для уточнения даты постройки собора»¹⁷.

Вывод Б. А. Рыбакова о том, что время написания алтарных граффити приходится на период близкий времени окончания строительства собора, представляется верным. На это прежде всего указывает факт их выполнения на поверхности строительного блока, которая впоследствии была скрыта штукатуркой. Ученый сделал прориси выявленных граффити, которые, однако, требуют уточнения (см. ниже).

Прориси граффити № 1 (внизу) и № 2 (наверху) (по Б. А. Рыбакову)

Необходимо отметить неверное прочтение окончания (последних двух букв) надписи № 1 – «сия цркъвь со...». Многократное увеличение цифровых фотографий позволяет однозначно утверждать, что вместо предлагаемого Б. А. Рыбаковым «со» следует читать «по». Полагаю, что перед нами первый слог глагола «поставлена», который по каким-то причинам остался недописанным.

¹⁷ Рыбаков Б. А. Раскопки в Звенигороде (1943–1945 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР: Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 2. № 12. М.; Л., 1949. С. 127.

СИ АЦРКЪ ВЪР О

Прорись граффити № 1.

Подтверждением этому является расположенная рядом надпись № 3, на которую Б. А. Рыбаков не обратил внимания. Она выполнена той же рукой, что и первая, и так же, как и первая, осталась незаконченной.

СИ ГА Б НИ И А ЦРК ВЪ В
ПОСТАВЛЕНН МЪ

Прорись граффити № 3.

Данное начертание может иметь следующее прочтение: «Сия Б(о)жиа ц(е)рк(о)вь поставлен(а) н(а) м(□сте)...». Если это так, следует думать, что автор надписей № 1 и № 3 хотел указать на какую-то особенность, связанную с местом постройки храма. Но возможен и другой вариант: если допустить возможность ошибочного написания двух букв «н» в слове «поставлена», тогда текст надписи может быть реконструирован следующим образом: «Сия Б(о)жиа ц(е)рк(о)вь поставленн(а) м(□сяца)...». В этом случае речь должна идти о намерении автора указать время окончания строительства храма. Имея в виду, что даты начала и завершения строительства собора неизвестны, отсутствие продолжения в этой реконструкции является особенно досадным.

Особый интерес представляет надпись № 2, выполненная в технике двойного контура, которую Б. А. Рыбаков читал так: «А се црковь Бжь». Но

граффито имеет продолжение, трудность прочтения которого определяется тем, что оно выполнено в перспективе уменьшения.

Прорись граффити № 2

Как видно из приведенной прориси, после «ь» (ерь) следует «□» (юс малый), а затем – «св□... р...». Сохранившиеся буквы дают возможность уверенно реконструировать данную надпись в следующем виде: «А се ц(е)рк(о)вь Б(о)жь□ св□(того) Р(ождества)». Такое прочтение дает право предположить, что собор на Городке первоначально был посвящен не Успению Богородицы, а Ее Рождеству.

Любопытно, что еще в 2006 г. аналогичное предположение на основе изучения текста писцовой книги 1558–1560 гг. высказал Д. А. Седов. «Большинство авторов, – пишет исследователь, – были увлечены выстраиванием гипотез о заказчике и дате постройки собора, датировке его первоначального живописного убранства, форме первоначального иконостаса и его авторов. Но почти никто не обратил внимания на то, что первое известное в данный момент упоминание о соборе в писцовых книгах 1558–1560 гг., а затем 1592–1593 гг. свидетельствует о его посвящении не Успению Божией Матери, а Ее Рождеству. Следовательно, по отношению к истории храма в древности в литературе, возможно, употребляется неточное наименование памятника»¹⁸. Действительно, в писцовой книге 1558–1560 гг. читаем: «За протопопом Семеоном з братьею, что у Рожества Пречистой соборной церкви внутри Звенигорода: Деревня Куриково. Пашни семьдесят четыре четверти в поли, а в дву потому ж, земля середняя... Деревня Боранова. Пашни сорок три четверти в поле а в дву потому ж, земля середняя... Деревня Щербинино Муратова. Пашни сорок три четверти в поле а в дву потому ж, земля середняя, лесу пашеннаго четыре четверти. Деревня Олешино. Пашни двадцать четыре четверти в поле а в дву потому ж, земля середняя... И всего 4 деревни»¹⁹. Важно отметить тот факт, что упомянутые

¹⁸ Седов Д. А. О времени закрепления за Звенигородским кремлем и Звенигородским Успенским сбором топонима «Городок» // Саввинские чтения. М., 2007. С. 247.

¹⁹ Материалы для истории Звенигородского края. Вып. 1. Приправочный список с писцовых книг Звенигородского уезда. М., 1992. С. 107.

деревни «и в последующее время, вплоть до революционных событий начала XX в.» фигурировали в источниках как соборные пустоши. Таким образом, предположение о первоначальном посвящении собора на Городке празднику Рождества Богородицы, высказанное Д. А. Седовым на основании данных письменных источников, получило замечательное подтверждение в его эпиграфике.

В грамоте царя Алексея Михайловича (1645–1676 гг.) Никите Михайловичу Боборыкину от 21 июля 1658(1650) г. встречаем упоминание храма как уже посвященного Успению Богородицы: «Бил нам челом из Звенигорода соборной церкви Успения Пресвятыя Богородицы протопоп Иоанн»²⁰. Вероятно, в 1-й половине XVII в. собор был повторно освящен по причине его осквернения в период Смутного времени.

Все сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что по инициативе Юрия Дмитриевича в Звенигороде были построены сразу 2 храма, посвященных празднику Рождества Богородицы: один был поставлен в княжеской резиденции на Городке, другой – по соседству, в монастыре прп. Саввы Сторожевского (90-е гг. XIV в.). На придворный характер обители указывает жалованная грамота Юрия от 10 мая 1404 г., закрепившая передачу сторожевской братии многочисленных земельных владений и бортей, а также наделение игумена правом судебного иммунитета²¹. Полагаю, что возведение в Звенигороде приблизительно в одно время сразу двух Рождественских храмов необходимо рассматривать в контексте реализации аналогичных строительных проектов конца XIV – начала XV в.

Сооружение на Руси после 1380 г. храмов, посвященных Рождеству Богородицы, заметно активизировалось. Об этом говорят следующие примеры. Около 1381 г. близ Коломны началось строительство Бобренева монастыря, главный собор которого был посвящен празднику Рождества Богородицы. Ктиторм обители, согласно преданию, являлся воевода Дмитрий Михайлович Боброк-Волынец, командовавший засадным полком в битве на Куликовом поле. Под 1393 г. Московский летописный свод сообщает о завершении строительства каменной церкви Рождества Богородицы, которая возводилась на средства княгини Евдокии – вдовы Дмитрия Донского: «Того же лета княгини великаа Евдокея Дмитреева постави на Москве церковь камену Рожество Святыя Богородици»²². Церковь находилась на территории Кремля и первоначально выполняла функцию домового храма²³. Известно, что духовником Евдокии был прп. Савва – основатель и первый игумен Рождественского монастыря в Звенигороде. Еще один монастырь в честь Рождества Богородицы, основанный в 1380-х гг. в

²⁰ Там же. С. 250.

²¹ Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. 1334–1598. СПб., 1841. № 15. С. 23–24.

²² Полное собрание русских летописей (далее – ПСРЛ). Т. 25. М., 2004. С. 221.

²³ Воронин Н. Н. Зодчество Северо-Восточной Руси XII–XV веков. Т. 2. М., 1962. С. 253.

Москве, упоминается в Московском летописном своде под 6897(1389) г. «Месяца декабря въ 5 преставися княгини Андреева Мария, мати князь Володимерова, нареченная во мнишьскомъ чину Марфа, и положена бысть в монастыри ея у Рожества на рве, его же сама създа»²⁴. Княгиня Мария (в монашестве Марфа) являлась супругой князя Андрея Серпуховского и матерью Владимира Андреевича Храброго, одного из героев Куликовского сражения. В 80-х гг. XIV в. в Андрониковом монастыре была построена церковь Рождества Богородицы над святыми воротами, в которых монахи встречали возвращающегося с битвы Дмитрия Донского²⁵.

С победой на Куликовом поле связывает строительство Рождественских храмов в Новгородской земле А. Г. Бобров. Комментируя известие Новгородской первой летописи под 6927(1419) г. о строительстве архимандритом Варлаамом церкви Рождества Богородицы в Юрьевом монастыре, он замечает: «Посвящение новой церкви именно Рождеству Богородицы кажется не случайным. Этот праздник в сознании современников не мог не связываться с происшедшей в этот день Куликовской битвой»²⁶. Данное известие летописи автор интерпретирует как одно из свидетельств установления хороших «отношений между церковными иерархами Новгорода и Москвы». Бобров указывает, что на рубеже XIV–XV вв. Рождеству Богородицы были также посвящены Лисицкий (1389 г.) и Коневский (1398 г.) монастыри. Кроме того, по инициативе боярина Исака Акинфова в 1397 г. каменная церковь Рождества была построена в Десятинном монастыре. А. А. Гиппиус, развивая наблюдения Боброва, рассматривает этот «строительный акт... как знак лояльности Москве». Исследователь обосновывает причастность боярина Исака Акинфова к летописному процессу, в результате которого в протограф младшего извода Новгородской первой летописи был включен рассказ о Куликовской битве (около 1397 г.). Эта вставка продиктована стремлением увековечить память «о московских братьях прусско-плотницкого боярства, павших на Куликовской битве» (источники упоминают о гибели в сражении московского боярина Михаила Ивановича Акинфовича)²⁷.

Праздник Рождества Богородицы в сознании людей конца XIV – XV вв. прочно ассоциировался с победой на Куликовом поле. Указание на то, что сражение состоялось в день рождения Божьей Матери, содержится во всех без исключения памятниках Куликовского цикла. В рассказе о битве в составе Рогожского летописца и Симеоновской летописи эти сведения

²⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 218.

²⁵ *Борисов Н. С.* Русская Церковь в политической борьбе XIV–XV веков. М., 1986. С. 119–120.

²⁶ *Бобров А. Г.* Новгородские летописи XV века. СПб., 2000. С. 121.

²⁷ *Гиппиус А. А.* «От Александра до Исакия»: К вопросу о происхождении младшего извода Новгородской первой летописи // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2011. № 1(43). С. 18–30.

передаются следующим хронологическим уточнением: «Се бысть побоище месяца сентября въ 8 день, на Рожество Святыя Богородица, в субботу до обеда»²⁸; в рассказе о битве в Софийской первой летописи старшего извода – «Заутра же в субботу порану месяца септября въ 8 день в самыи праздникъ Рожества Пречистыя въсходящу солнцу, бысть тма велика по всеи земли, и мгляно бяше было того утра до третиаго часа, и повеле Господь тме уступити, а свету пришествие даровати»²⁹. В тексте «Задонщины» и «Сказания о Мамаевом побоище» время битвы определяется соответственно следующими фразами: «И билися из утра до полудня в субботу на Рожество святыя Богородица месяца сентебра во 8 день»³⁰; «Приспевшу же великому празднику Рожеству Святыя Богородица, святающю пятку, въсходящу солнцу, бысть же утро мгляно суши»³¹.

Победа над ордынцами 8 сентября воспринималась современниками как знак особого участия Богородицы в судьбе русского воинства и Руси в целом. Мотив заступничества Божией Матери встречается уже в летописном рассказе о Куликовской битве, который читается в Новгородской первой летописи³². Здесь отмечается, что князь Дмитрий Иванович выступил против безбожных татар, уповая «на милосердие Божие и на Пречистую Его Матерь». А в заключении говорится, что после победы русские князья и воеводы прославили «Пречистую Матерь Божию Богородицу»³³. В рассказе Софийской первой летописи старшего извода этот мотив заметно усиливается. В уста московского князя вкладывается особая молитва Божией Матери: «О многоименита Госпоже, Царице небесных чиновъ и Госпоже, присно всея вселеня и всего живота челоувечьскаго кормителнице! Въздвигни, Госпоже, руце свои пречистыя, иже же носила еси Бога воплощенна, и не презри христианъ сехъ, и избави нас от сыроядець сих и помилуй»³⁴. В заключительной части вновь звучит тема заступничества Богородицы. Дмитрий Иванович вместе со всем воинством приносит «великое благодарение Богу», в котором, обращаясь к Пресвятой Деве, говорит: «И ты, Пречистая Богородице, помиловала еси милостью насъ,

²⁸ Памятники Куликовского цикла. С. 9–10.

²⁹ Там же. С. 35–36. Рассказ о Куликовской битве в составе Софийской первой летописи, по мнению В. А. Кучкина, восходит к Новгородско-Софийскому своду 30-х гг. XV в.

³⁰ Так читается текст в Синодальном списке (Там же. С. 101). В списке В. М. Ундольского это хронологическое указание передается следующими словами: «Того же дни в субботу на Рожество Святыя Богородицы исекша христиани поганые полки на поле Куликове на речьке Напряде» (Там же. С. 117)

³¹ Там же. С. 173. Указание на «пятку» (т. е. пятницу) является ошибочным. Праздник Рождества Богородицы в 1380 г. приходился на субботу.

³² Рассказ о Куликовской битве в Новгородской первой летописи младшего извода, по мнению В. А. Кучкина, восходит к московскому летописному памятнику, который предшествовал своду 1409 г. (Там же. С. 27).

³³ Там же. С. 22–23.

³⁴ Там же. С. 31.

грешных рабъ своихъ, и весь родъ христьянскыи, умолила еси безлетнаго Сына своего»³⁵. Трижды о молитве Дмитрия Ивановича к Богу и Богородице упоминается в тексте «Задонщины». В «Сказании о Мамаевом побоище» сообщается, что в день своего отъезда из Москвы (19 августа) князь молился в Успенском соборе Кремля перед чудотворной Владимирской иконой Божией Матери, испрашивая ее помощи «на сопротивныя враги». Ниже говорится, что в последние минуты перед боем Дмитрий Иванович «простер руце свои, и паче возопи велим гласом: “О великое имя Святыя Троица, о Пресвятая Богородице, помагай нам на противныя молитвами Сергия, спаси душа наша”»³⁶.

Представленный материал позволяет заключить, что день победы на Куликовом поле, который пришелся на праздник Рождества Богородицы, привел к усилению на Руси почитания Божией Матери. Об этом свидетельствуют не только рукописные памятники, но и развернувшееся в конце XIV – начале XV в. масштабное храмовое строительство. Возведение князем Юрием Дмитриевичем в своей резиденции на Городке собора Рождества Богородицы было частью этого движения, продиктованного желанием увековечить победу на Куликовом поле в памяти современников и потомков.

Пользуясь случаем, хотелось бы обратиться ко всем прихожанам, а также ко всем тем, кто не равнодушен к истории своей страны, с просьбой бережного отношения к надписям, сохранившимся на стенах наших храмов. Подавляющая часть таких надписей – не проявление «средневекового вандализма», это либо «вечные молитвы», обращенные к Господу, либо послания благочестивых людей, адресованные современникам и потомкам. Эти «письма из прошлого» являются ценным источником по истории нашей Церкви, языка и культуры, поэтому они нуждаются в тщательном сохранении и изучении.

³⁵ Там же. С. 40.

³⁶ Там же. С. 243.